

⁶ ГАОренО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2775. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 5002. Л. 5.

⁸ Там же. Оп. 17. Д. 79. Л. 9.

⁹ Там же. Оп. 11. Д. 3458. Л. 15, 16, 16 об.

¹⁰ ЦГАРК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 22.

¹¹ ГАОренО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 86. Л. 105.

¹² ПСЗ. Собр. 1. Т. 46. № 49 255. С. 102–103.

¹³ ГАОренО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4953. Л. 1.

¹⁴ ГААО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 3244. Л. 87.

¹⁵ ГАОренО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5181. Л. 8 об.

С. В. Беспалов

ПРОТЕКЦИОНИСТСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА И РОССИЙСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ В КОНЦЕ XIX в.

Важнейшей целью экономической политики правительства России в 1890-х — начале 1900-х гг. было обеспечение ускоренного развития отечественной промышленности. Ключевую роль в реализации этого курса играл промышленный протекционизм, принципы которого нашли свое воплощение в Таможенном тарифе 1891 г. Многие современники признавали, что следствием его принятия стало существенное ускорение развития российской индустрии. В то же время после введения нового таможенного тарифа все более заметным становилось отставание в развитии сельского хозяйства, сохранявшего свою ведущую роль в экономике страны, от ускоренно прогрессирующей индустрии. Так, в последнее десятилетие XIX в. темпы роста промышленного производства оказались примерно в восемь раз выше, чем сельскохозяйственного. Поэтому закономерно, что одной из центральных проблем в дискуссиях 1890–1900-х гг. по вопросам экономического развития страны являлась проблема воздействия покровительственной политики по отношению к промышленности на ситуацию в российской деревне, прежде всего на финансовое положение аграриев. Министры финансов И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте, имевшие многочисленных единомышленников, были убеждены в том, что политика индустриализации отвечает коренным интересам всего населения страны, в том числе и аграриев. При этом Витте являлся противником прямых государственных капиталовложений в сельское хозяйство, поскольку находил их малоэффективными, и считал необходимым воздействовать на аграрный сектор экономики прежде всего через ускорение общего экономического развития России. Одним из наиболее авторитетных (в том числе в глазах Александра III и Николая II) сторонников такой точки зрения являлся Д. И. Менделеев, сыгравший ключевую роль в разработке

упомянутого Таможенного тарифа. Схожих взглядов придерживались И. Х. Озеров¹, П. Б. Струве (справедливо считавший политику в области внешней торговли, и прежде всего таможенное регулирование, узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития... страны»²) и другие авторитетные специалисты.

Однако наряду с безоговорочной поддержкой протекционизма и умеренно благожелательным отношением к этой политике, на протяжении 1890 — начала 1900-х гг. нарастала и ее жесткая критика. Это было вполне закономерно, поскольку последовательное проведение в жизнь принципов Тарифа 1891 г. требовало серьезных жертв со стороны большинства населения, что и предопределило наличие серьезной оппозиции правительственному курсу прежде всего со стороны консервативных экономистов и общественных деятелей (впрочем, не только их, но также неонародников и многих социалистов). Они выражали преимущественно интересы сельхозпроизводителей, поскольку наиболее тяжелыми первыми результатами проводимой властями политики оказались для аграриев, страдавших от удорожания импортных изделий и повышения цен (в отсутствие серьезной конкуренции) на свою продукцию многими российскими промышленниками.

Одним из первых и наиболее яростных критиков политики Витте был отставной сотрудник Министерства финансов И. Ф. Цион — единомышленник М. Н. Каткова, в свое время один из активнейших сотрудников «Московских ведомостей», известный ученый и публицист. Как отмечали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, Цион некогда являлся единомышленником Витте, не простившим министру финансов «отступничества от катковской экономической программы»³; возможно, именно это обстоятельство обусловило беспрецедентно резкий характер предъявленных Ционом Витте обвинений. Еще в 1893 г. в своем письме Александру III Цион стремился убедить царя, что все законодательные инициативы и административные мероприятия Витте, в особенности «злосчастная таможенная борьба с Германиею, ... все его действия и слова, так же как и выбор его ближайших сотрудников, не оставляют сомнения насчет преследуемых им целей... Он стремится, разорив русского крестьянина, превратить его в промышленного пролетария»⁴.

Цион утверждал, что даже в Германии — стране преимущественно промышленной — Бисмарк и другие государственные деятели «никогда не колебались жертвовать интересами промышленного населения в угоду земледельческому, отлично зная, что стойкость всего государственного строя зиждется на консервативном духе последнего!!»⁵.

Будучи лишен российского подданства и вынужденный покинуть страну, Цион активизировал свою антивиттевскую деятельность и во Франции опубликовал несколько книг и статей, в которых продолжал обвинять Витте во всех смертных грехах, и прежде всего — в целенаправленном разрушении сельского хозяйства. Так, в книге с характерным названием «Куда времен-

щик Витте ведет Россию?» Цион утверждал, что министр финансов не просто не предпринимает никаких мер для поддержки российского земледелия, что преступно уже само по себе, — он «безобразными повышениями... тарифов, постоянным ажиотажем на курсе рубля и другими подобными же мероприятиями старается окончательно доконать наших сельских хозяев», одержимый безумной идеей, «с шестидесятих годов омрачавшей умы всех наших *передовых* политиков», согласно которой «будущее благополучие России следует создать на разорении помещичьего землевладения»⁶.

Если бы Цион ограничился только приведенными выше обвинениями в адрес Витте, то эти измышления, многократно повторявшиеся в дальнейшем ультраконсерваторами, главным образом из числа представителей помещного дворянства, едва ли заслуживали бы упоминания. Однако он умудрился совместить критику реформ Витте и с ультраконсервативных, и с либеральных позиций, причем многие аргументы против проводившегося курса, взятые в дальнейшем на вооружение и либеральной оппозицией, и умеренными консерваторами, были сформулированы впервые именно Ционом. Так, например, он утверждал, что система Витте на самом деле не ускоряет, а тормозит и деформирует развитие российской промышленности, поскольку политика министерства финансов «идет вразрез с самыми насущными условиями ее процветания... Широкий простор личной инициативе, законная гарантия против административного вмешательства и произвола, чуткое прислушивание к нуждам, высказываемым компетентными и заинтересованными лицами, а, пуще всего, воздержание от всякого фаворитизма между свободными конкурентами, — кто не знает, что без этих основных элементов невозможно не только процветание, но и существование какой бы то ни было торговли и промышленности? А вся система г. Витте направлена на то, чтобы уничтожить эти условия»⁷.

Тезис об искусственности и нежизнеспособности насаждавшейся промышленности встречается в работах многих экономистов и государственных деятелей, причем как консервативной, так и либеральной ориентации. Например, руководитель Земского отдела МВД В. И. Гурко считал, что большая часть российских заводов поддерживается на плаву искусственными мерами, прежде всего высокими таможенными пошлинами, а также казенными заказами; эти предприятия «живут не столько за счет доходов населения, сколько за счет их основного богатства», в результате в России «не фабрика обогащает население, а население фабрику»⁸. В отличие от западноевропейских государств, где, по мнению Гурко, «начало процветанию промышленности положило зажиточное сельское население», что предопределило устойчивость индустриального развития этих стран, в России фабриканты настолько же богатеют, насколько беднеет народ; со временем платежеспособный спрос населения будет окончательно подорван, и тогда «никакие уже меры не будут в состоянии отстоять промышленной деятельности от полного упадка»⁹. Та-

ким образом, если основным направлением экономической политики не станет поддержка сельского хозяйства, то и отечественная промышленность неминуемо погибнет из-за отсутствия рынка сбыта ее продукции¹⁰.

Не столь критично оценивал политику Витте другой известный консервативный политик — П. Х. Шванебах, занимавший на протяжении нескольких лет пост государственного контролера, а впоследствии ставший членом Государственного совета. Он отмечал, что в результате правительственной политики, стимулирующей промышленный рост, в стране в последнее десятилетие XIX в. было создано немало новых рабочих мест, в результате чего «в города и на фабрики народ, что называется, валом валит», а деревня «переживает процесс усиленного выделения из своей среды элементов новой общественной группы, отвечающей тому, что на западе окрещено именем четвертого сословия», то есть формируется пролетариат, стремящийся окончательно порвать с землей. При этом Шванебах полагал, что, хотя данный процесс является весьма болезненным (в том числе и для помещиков, многие из которых потеряли возможность обеспечивать себя работниками за приемлемую для них плату и вследствие этого оказались на грани разорения), тем не менее «в конце концов не что иное, как этот самый процесс, выручит земледелие из современных его бед и вознаградит наш коренной промысел за жертвы, какие он несет ныне вследствие непосильного соперничества с заводом»: с одной стороны, деревне при сохранении экстенсивного хозяйства никогда не удастся прокормить растущего из года в год количества малоземельных или уже обезземеленных крестьян, с другой, переход к более цивилизованным формам ведения хозяйства станет возможен лишь тогда, когда в результате индустриализации возникнет достаточно массовый слой городских потребителей сельскохозяйственной продукции¹¹. Но в то же время «вовсе не безразлично, как совершится эта социальная эволюция». А последствием вспыхнувшей в стране в конце XIX в. «учредительской горячки и упорной веры в неиссякаемость капитала», по мнению Шванебаха, со временем вполне могло бы стать закрытие огромного количества наспех созданных и не имеющих обеспеченного сбыта своей продукции предприятий, в результате чего началось бы обратное движение в деревню бездомных людей с остановившихся заводов, что стало бы настоящей катастрофой и для деревни, и для страны в целом. Поэтому, полагал Шванебах, промышленную политику следовало бы проводить гораздо более осторожно и сбалансировано и, наряду с этим, обеспечить хотя бы наиболее депрессивным аграрным регионам России определенную бюджетную поддержку.

Позиция консервативной части аграриев по рассматриваемому вопросу, пожалуй, наиболее полно была отражена в материалах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, свод трудов которых был опубликован в 1904 г.¹² По мнению многих комитетов, правительственная политика, «направленная на поднятие капиталистической промышленности, ...

действует в ущерб сельскому хозяйству». Свою позицию они мотивировали тем, что сельское население, и прежде всего крестьянство, являясь главным потребителем промышленной продукции, вынуждено покупать товары по явно завышенным ценам. Это же увеличивает затраты на производство сельскохозяйственной продукции, что неизбежно ведет к ее удорожанию и снижению конкурентной способности на мировом рынке. Кстати, по этой же причине многие сельхозпроизводители были недовольны и финансовой реформой Витте, приведшей к укреплению рубля и тем самым затруднившей экспорт¹³. Кроме того, российский протекционизм по отношению к промышленности вызывает в европейских странах, прежде всего в Германии, ответные меры — протекционизм по отношению к местному сельскому хозяйству, что заставляет российских экспортеров еще более снижать цены, неся при этом ощутимые убытки¹⁴.

Промышленность поддерживается не только высокими пошлинами, «но и разными льготами и субсидиями». На поддержку промышленности направляются все государственные ресурсы, ей предоставляется широкий и доступный кредит, выгодные казенные заказы. «Сотни миллионов... собранных с земледельцев, пошли на субсидии различным заводам», миллиарды затрачены на железнодорожное строительство, «необходимое в интересах той же промышленности, главным образом — железоделательной и угольной»¹⁵.

Таким образом, по мнению представителей местных комитетов, промышленность насаждается в стране «за счет ослабевших классов земледельческого населения», а фабриканты получили возможность «брать громадную косвенную подать со всего населения России»¹⁶, причем благодаря протекционистской системе «земледельцы обречены содержать из своих скудных средств» лишь «небольшую горсть крупных промышленников»; в то же время переплачиваемые за промышленные товары огромные суммы могли бы быть употреблены сельскими хозяевами с большей пользой для самого сельского хозяйства¹⁷. Кроме того, хотя протекционизм имеет смысл лишь как временная мера, в России он продолжается слишком долго и конца ему не видно; в отсутствие же конкуренции отечественных товаров с иностранными русские предприниматели, по мнению некоторых комитетов, не заботятся об улучшении качества выпускаемой продукции, в результате чего русские изделия, в особенности сельскохозяйственные машины, остаются малопродуктивными и весьма недолговечными¹⁸.

Итак, оппозиция правительственному курсу со стороны представителей аграрных интересов была достаточно мощной. Однако, как справедливо отмечает А. П. Корелин, «дворянские силы... оказались разрознены в результате различного понимания как особенностей нового времени, так и задач высшего сословия в изменившихся условиях, а потому сама дворянская программа оказалась лишенной внутреннего единства и цельности»¹⁹. В зна-

чительной степени именно поэтому Витте удавалось в целом последовательно проводить свою линию.

Очевидно, что имевшая немало издержек покровительственная система была весьма болезненной для сельских жителей; в сочетании с мощным налоговым прессом (особенно тяжелы были косвенные налоги) протекционистская политика способствовала дальнейшему ухудшению экономического положения российской деревни, на что не могли не обращать внимания оппозиционеры, в том числе либералы. В то же время первые позитивные результаты правительственного курса стали ощущаться уже к концу последнего десятилетия XIX в.: повышение качества и увеличение ассортимента производимых отечественными промышленными предприятиями товаров, в том числе предназначенных для использования в сельском хозяйстве (хотя в полной мере это стало очевидно лишь в годы нового промышленного подъема уже после Первой российской революции), начало конкуренции между российскими промышленниками и т. д.; в связи с этим приходило и осознание необходимости определенных жертв ради превращения России в страну с высокоразвитой индустрией.

Кроме того, едва ли возможно признать правомерными упреки правительству в том, что оно не оказывало никакой поддержки отечественным сельхозпроизводителям, нанося им в то же время колоссальный ущерб покровительственной политикой по отношению к промышленности. Следует отметить, что пошлины на сельскохозяйственную технику и удобрения, не производившиеся в стране, в конце 1890-х гг. были существенно снижены²⁰; таким образом, одно из наиболее негативных последствий протекционизма было ликвидировано. Сторонники политики индустриализации справедливо указывали, что возникшая промышленность не только предоставила многим крестьянам возможность дополнительных заработков в городах, но и привела к серьезному росту оплаты труда сельских рабочих (в результате на рубеже 1890–1900-х гг. многие землевладельцы столкнулись с совершенно новой для себя проблемой — нехваткой сезонных работников²¹). Следует также отметить, что отток рабочих рук в города несколько снижал остроту проблемы малоземелья (пусть и относительного). Наконец, в известной степени именно развитие индустрии и увеличение государственных доходов позволили правительству в дальнейшем приступить к осуществлению требовавших огромных затрат аграрных преобразований, поскольку, как справедливо отмечалось в одном из документов Главного управления землеустройства и земледелия, развитие сельского хозяйства России требует «притока в земледелие новых средств, которыми русское землевладение особенно скудно», так как «в самой себе сельскохозяйственная промышленность не может получить достаточно средств»²².

Ценой немалых усилий Витте удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики. Изданное в 1900 г. высочайшее повеле-

ние (составленное А. Н. Куломзиным) провозглашало, что «твердость и последовательность в делах экономики и народного хозяйства, если не более, чем в других отраслях государственного управления, то в равной мере составляют главнейшее условие успеха», а потому преждевременный отказ от покровительственной политики недопустим. В данном документе констатировалось, что, благодаря непрерывному применению на протяжении десятилетия «охранительных начал промышленность наша получила за последнее десятилетие выдающееся развитие, уступая, впрочем, во много раз западноевропейским государствам»²³. В то же время в преамбуле высочайшего повеления говорилось, что тяжесть жертв, неизбежно налагаемых охранительной системой на все население России, вынужденное переплачивать за предметы потребления, «требует, чтобы срок действия высоких протекционных пошлин был наивозможно менее продолжительным»; было отмечено и то, что производство в России по-прежнему страдает «от недостатка капиталов, духа предприимчивости и умелых техников», и, наконец, что покровительственная система все еще не достигла главной своей цели, а именно «создания внутренней конкуренции, понижающей цены туземных фабрикатов». Впрочем, на основании этих заключений делался вполне устраивавший Витте вывод о том, что «возбуждению внутренней конкуренции может помочь замеченный за последнее время усиленный прилив иностранных капиталов и промышленников», который явился прямым следствием достигнутого во второй половине 1890-х гг. укрепления российской денежной системы²⁴. На основании вышесказанного высочайшим повелением признавались «начала, положенные в основание тарифа 1891 г., подлежащими сохранению в незыблемой целости»²⁵.

Отметим в заключение, что возвращение к промышленному протекционизму в первой половине 1900-х гг. целого ряда европейских стран, более экономически развитых, чем Россия, явилось доказательством несостоятельности представлений о том, что эта политика является уделом лишь слабо-развитых государств. Во многом именно по этой причине, начиная с середины 1900-х гг., дискуссия о протекционизме постепенно становится все менее оживленной.

Примечания

¹ *Озеров И. Х.* Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. VII.

² *Струве П. Б.* Экономия промышленности: По лекциям, чит. в 1907/8 учеб. г. СПб., 1909. С. 14.

³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // ВИ. 1990. № 8. С. 38.

⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 734. Л. 2–3.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶ *Цион И. Ф.* Куда временщик Витте ведет Россию? Лейпциг, 1896. С. 58.

- ⁷ Там же. С. 69.
⁸ Гурко В. И. Устой народного хозяйства России: Аграр.-экон. этюды. СПб., 1902. С. 67.
⁹ Там же. С. 66.
¹⁰ Там же. С. 194.
¹¹ Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 225–226.
¹² Брандт Б. Ф. Финансовая политика и таможенное покровительство. СПб., 1904.
¹³ См.: Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 363.
¹⁴ Брандт Б. Ф. Финансовая политика... С. 62–63.
¹⁵ Там же. С. 76.
¹⁶ Там же. С. 57.
¹⁷ Там же. С. 77, 82.
¹⁸ Там же. С. 89.
¹⁹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 84–85.
²⁰ Министерство финансов, 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 534.
²¹ Рабочие руки // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. Т. 2, № 20. С. 1153–1154.
²² РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2116-в. Л. 1 об.–2.
²³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1–2.
²⁴ Там же. Л. 2–2 об.
²⁵ Там же. Л. 4–4 об.

А. С. Соколов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ П. Б. СТРУВЕ

Сегодня, когда наша страна оказалась в сложной экономической ситуации, когда в условиях хозяйственных реформ идет поиск путей стабилизации товарно-денежных отношений, возрос интерес научной общественности к проблеме соотношения плана и рынка. Интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г. и после, но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. Отличительной чертой современного этапа развития исследований в сфере истории российского народного хозяйства является изучение научного наследия отечественных экономистов. Их работы сыграли большую роль в становлении российской экономической науки. Петр Бернгардович Струве (1870–1944) является одной из ярчайших фигур в истории отечественной общественной мысли. Его биография отражает драматизм эпохи в которой он жил и работал. Хорошо известно, что человек, участвовавший в организации первых марксистских кружков в России, состоявший членом Российской академии наук, являвшийся одним из